

Глава 4

ЛЕГИОНЕРЫ В РОССИИ

Кто из читателей не жалел, что роман Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» обрывается на полуслове? В трех опубликованных частях книги автор успел рассказать нам, как началась Первая мировая война, как его персонаж безуспешно пытался избежать военной службы и, наконец, с какими приключениями он добирался до фронта. Что же могло приключиться с ним дальше?

Еще в 1916 г., перейдя на сторону русских, Гашек написал своеобразный эскиз будущего романа — повесть «Бравый солдат Швейк в плену». Одной из финальных фраз автор вкратце очертил судьбу своего героя: «В русском плену... Швейк получил хлеб, чай и на следующий день попал в одну из наших добровольческих рот».

Резонно предположить, что биография бравого солдата в дальнейшем оказалась связанной именно с этими добровольческими ротами, ставшими ядром будущего Чехословацкого легиона. Однако уже в самом легионе Швейк с равным успехом мог примкнуть как к белым, так и к красным соотечественникам. Причем и в первом и во втором случае судьба вымышленного персонажа вполне могла пересечься с судьбами двух наиболее ярких представителей легионерского движения — «контрреволюционным генералом» Радолой Гайдой и самим автором книги, «пламенным большевиком» Ярославом Гашеком.

ГАЙДА

Рудольф Гейдль родился в 1892 г. в семье мелкого еврейского предпринимателя. У потомков Авраамовых, национальность, как известно, передается по женской линии. Мать же у юноши была чешкой, и, видимо, поэтому сам он считал себя вовсе не евреем, а именно чехом. Даже свое имя молодой человек переделал на славянский лад, превратившись из Рудольфа Гейдля в Радолу Гайду.

Личность его сформировалась под влиянием идей чешского национального возрождения. Внутри этого движения существовало несколько группировок. Умеренные требовали предоставления культурной автономии для славянских народов Австро-Венгерской империи. Радикалы мечтали о создании независимого государства из двух родственных западно-славянских народов — чехов и словаков. Наконец, существовали и ярые панслависты, мечтавшие о создании единой славянской Федерации и видевшие свою главную надежду в Российской империи.

В сущности, Россия была маяком для всех славян Австро-Венгрии, однако до поры до времени их симпатии носили умозрительный характер. Все начало меняться в 1912 г., когда славянские государства — Черногория, Сербия и Болгария вместе с православной Грецией — обрушились на Турцию. Казалось, еще немного, и в войну вмешается Россия, а славянские армии войдут в Стамбул-Константинополь. Предполагалось, что после этого они возьмутся за освобождение «стонущих под игом Австрии» чехов и словаков.

Гайда, подобно многим другим своим землякам-панславистам, вступил в черногорскую армию и принял участие в боях под крепостью Скутари. Однако затем союзники передрались между собой, и разочарованный юноша вернулся обратно в Прагу.

В 1914 г. грянула Первая мировая война. Многие чехословаки еще по дороге на фронт едва ли не в открытую выражали намерение перебежать на сторону противника. Военфельдшер Гайда именно так и поступил и уже че-

рез несколько месяцев оказался в знакомой ему Черногории. Но в конце 1915 г. австро-германцам удалось оккупировать эту страну, и тогда он вместе с другими эвакуированными перебрался в Россию.

Здесь он вступил в войска, созданные из чехословацких перебежчиков и военнопленных. К концу 1916 г. на их базе сформировалась целая дивизия, подчинявшаяся (в политическом отношении) заседавшему в Париже Чехословацкому национальному совету (ЧНС).

Вступивший в эту дивизию Гайда командовал сначала ротой, а затем батальоном. Карьера его развивалась столь же стремительно, как и события на Восточном фронте. После Февральской революции антивоенная пропаганда большевиков фактически разложила русскую армию. Чехословацкие части выглядели на этом фоне образцом стойкости и дисциплины. В июле 1917 г. братья-славяне покрыли себя славой в битве под Зборовом. Как писал генерал Брусилов, «чехословацкие добровольцы, оставленные всеми, бились так, что все мы должны преклониться перед их доблестью. Одна чехословацкая бригада сдерживала несколько неприятельских дивизий. Пал цвет чехословацкой интеллигенции. В качестве простых солдат сражались и умирали учителя, адвокаты, инженеры, писатели, известные общественные деятели. Раненые просили убивать их, лишь бы не попасть в руки немцев...».

После этой битвы Гайда получил орден Св. Георгия 4-й степени и должность командира 7-го чехословацкого полка. Однако заключенный в марте 1918 г. мир с Германией на некоторое время положил конец его боевым подвигам.

Дивизия к тому времени уже превратилась в корпус (или легион), насчитывавший в своих рядах до 60 тыс. бойцов, подавляющее большинство из которых по-прежнему горело желанием сражаться за независимость своей Родины. Весной 1918 г. между большевиками и чехословацкими представителями был подписан договор согласно которому легионерам предстояло через Сибирь, Дальний Восток и Америку отправиться во Францию. Предполагалось, что на Западном фронте корпус вновь примет участие в бо-

ях с немцами, но это, разумеется, никак не соответствовало планам германского командования.

Пока чехословаки грузились в эшелоны и отправлялись в путь по бескрайним просторам России, немецкие дипломаты надавили на ленинское правительство. В результате большевики начали препятствовать продвижению легионеров, ссылаясь на хаос и беспорядок на железных дорогах. Вдобавок с востока на запад ехали поезда с возвращающимися на Родину австрийскими и венгерскими военнопленными. Между ними и чехословаками постоянно происходили конфликты, завершившиеся в конце концов взрывом...

14 мая между чехами и венграми произошла драка на станции Челябинск. Поводом стало то, что брошенный из венгерского эшелона железный брусок тяжело ранил легионера. Его друзья не поленились догнать поезд на одной из остановок и «уложили» одного или двух венгров. Местные власти тут же арестовали десятерых чехов, но уже вечером были вынуждены отпустить их под угрозой оружия.

Узнав об этом, Троцкий издал приказ: «Все совдепы обязаны под страхом ответственности разоружить чехословаков: каждый чехословак, найденный вооруженным на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте, каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный солдат, должен быть выгружен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных».

Разоружить, расстрелять. Едва что-то подобное попытались сделать, как чехословаки оказали сопротивление, что, в свою очередь, послужило толчком для выступлений местной контрреволюции.

К моменту конфликта чехословацкие эшелоны растянулись на огромном пространстве от Пензы до Владивостока, и почти во всех городах, находившихся рядом с железной дорогой, Советская власть была свергнута в течение пары недель.

В конце мая капитан Гайда со своими подчиненными арестовал и разогнал совдеп в Новониколаевске (Новоси-

бирске). Затем он двинулся на Омск, где его отряд влился в более крупную группировку Сырового.

На контролируемых чехословаками территориях Сибири и Дальнего Востока появились всевозможные белогвардейские правительства, чествовавшие легионеров как освободителей. Чехословацкая Рада, в свою очередь, присвоила генеральские звания трем военачальникам — Гайде, Сыровому и Чечеку. Гайде при этом доверили командование самой крупной группировкой легионеров (около 14 тысяч), сосредоточившейся во Владивостоке.

Обстановка в этом городе была весьма нестабильной. Кроме чехословаков там находился американский экспедиционный отряд, а также представители других стран Антанты — Англии, Франции, Японии.

Арестованный местный совдеп сидел в тюрьме, но, поддерживая видимость демократии, союзники пытались организовать «свободные выборы». Руководитель местных большевиков Константин Суханов под конвоем чехословаков ездил на митинги и с успехом агитировал за Советскую власть. Выборы в этой ситуации могли обернуться конфузом, и тогда Гайда организовал убийство Суханова «при попытке к бегству».

Между тем по мере развертывания Гражданской войны в России большинство чехословаков все больше склонялось к идее нейтралитета. По решению ЧНС, корпус перешел под командование французского представителя генерала Жанена, и уже осенью 1918 г. легионеров фактически отвели с фронта, поручив им охрану тыловых коммуникаций. Гайда же предпочел выйти из легиона и поступить на службу к верховному правителю России адмиралу Колчаку.

В качестве командующего Сибирской армией новоиспеченный генерал обзавелся собственным поездом, свитой и многочисленной охраной, наряженной в форму императорского конвоя. Секретари расписывали его победы в роскошных альбомах, украшенных уральскими самоцветами, а сам Гайда частенько грабил поезда и усиленно «экспроприировал» трофейное имущество. В конце концов он на-

чал поучать самого адмирала Колчака, требуя от него смещения начальника штаба генерала Лебедева.

В июле 1919 г. после очередного демарша верховный правитель отправил Гайду в отставку и предложил ему выехать во Владивосток. При этом бывшему командарму разрешили вывезти все награбленное имущество и даже приплатили еще 70 тыс. франков золотом.

По дороге неукротимый вояка задержался в Иркутске, где поднял мятеж против верховного правителя. Находившиеся в городе 2 чехословацких полка во главе с Чечekom заняли позицию нейтралитета. Гайду поддержали лишь местные эсеры и меньшевики, а главной ударной силой восстания стали портовые грузчики.

Выступление было жестоко подавлено японским гарнизоном и частями генерала Розанова. Большинство рабочих поплатились за него своими жизнями. Гайду же юнкера взяли в плен и отлупили по лицу генеральскими эполетами. И все же убивать его не стали, отчасти в память о заслугах перед Белым движением, отчасти благодаря заступничеству других чехословаков. Легионеры все еще оставались реальной силой, и ссориться с ними никому не хотелось.

Очередного несостоявшегося Бонапарта отправили на родину, в уже ставшую независимой Чехословакию. Там он писал мемуары, безуспешно пытался сблизиться с левыми и в конце концов вернулся на армейскую службу.

В 1926 г. президент Масарик получил сведения, что Гайда готовит переворот и собирается установить в стране диктатуру по типу Пилсудского. Существование этих планов так и не было доказано, но Гайду все-таки отправили в отставку, лишив воинского звания. Обидевшись, он вступил в Национальную фашистскую общину и в 1931 г. угодил в тюрьму за антиправительственную деятельность. В 1935 г. арестант стал депутатом парламента от чехословацких фашистов, что автоматически открыло ему двери тюремной камеры.

Впрочем, после того как из-за предательства Англии и Франции Чехословакия стала жертвой немецкой окку-

пации, Гайда вновь почувствовал себя патриотом. Вместе с другим бывшим легионером генералом Медеком он вернул французскому президенту и английскому королю все полученные от них награды. К этой посылке было приложено письмо, полное горьких упреков: «Мало какой народ в Европе так до последнего дыхания бился за Вашу Родину, как чехословацкий. Мы никогда не поймем, почему вы нас оставили. Нашему народу это никто никогда не объяснит».

С тех пор политикой Гайда не занимался. И все же в 1945 г. тогдашнее правительство припомнило ему и легионерские «подвиги», и деятельность в Национальной фашистской общине. Отставного генерала приговорили к 2 годам тюрьмы, а в 1948 г. (после прихода коммунистов к власти) он не то умер, не то был повешен в своей камере.

ГАШЕК

Ярослав Гашек родился в Праге 30 апреля 1883 г. Подобно другим великим писателям, в юности он много путешествовал и перепробовал массу профессий. Империю Габсбургов Гашек ненавидел, причем эта ненависть выражалась не только в его фельетонах и юмористических рассказах, но и во всевозможных скандальных выходках. Так, однажды, уже будучи журналистом, остановившись в гостинице, он зарегистрировался как «Иван Федорович Кузнецов, купец, из Москвы». В графе «Цель приезда» Гашек указал: «Ревизия австрийского Генерального штаба». Через пару часов в полиции ему пришлось объяснять, что «как исправный австрийский гражданин и налогоплательщик я счел своим долгом проверить в этот тяжкий момент, как функционирует государственная полиция». За свою проверку шутник получил 8 суток...

Отправляясь на фронт, Гашек только и мечтал, как он перейдет на русскую сторону. Сделать это ему удалось 24 сентября 1915 г. после боя у Хорупан. Очередного перебежчика отправили сначала в Дарницкий (под Киевом), а затем в Тоцкий (Самарская губерния) лагеря для военнопленных.

Вскоре в Поволжье появились агитаторы из «Одбочки» (отделение Чехословацкого национального Совета в России). Именно под их влиянием Гашек отправился в Киев, где вступил в 1-й гуситский стрелковый полк (1916 г). В соответствии со своей журналистской специальностью он сотрудничал в журнале «Чехослован», где и опубликовал свою повесть «Бравый солдат Швейк в плену». Впрочем, от пуль Гашек тоже не прятался и, подобно Гайде, получил за битву под Зборовом Георгиевский крест 4-й степени.

Февральскую и Октябрьскую революции он встретил с радостью, зато решение о переезде Чехословацкого корпуса во Францию ему категорически не понравилось. Гашек тут же написал заявление о своем выходе «из чешского войска до того времени, пока в нем и во всем руководстве национального совета не возобладает иное направление».

Бывший богемный журналист к тому времени уже ощущал себя большевиком, а потому решил отправиться напрямик в столицу новой России — Москву. О том, как именно Гашек вступил в РКП(б), существует две версии. По одной это произошло после того, как он прослушал речь Ленина в Политехническом музее, по другой — после знакомства со Свердловым, которое состоялось в расположенной на Арбате «Пражской колбасной».

Как бы то ни было, но уже в марте 1918 г. Гашек имел партийный билет и сотрудничал в газете чехословацкой секции РКП(б) «Прукопник». В следующем месяце он отправился в Самару с мандатом на формирование интернационального отряда. Такой отряд действительно был создан, причем, клюнув на пылкие воззвания Гашека, в него записались и несколько чехословаков.

Весть о начавшемся в корпусе мятеже стала для Гашека большим потрясением. Уже в начале июня крупный отряд белочехов под командованием Ф. Чечека двинулся на Самару. Одновременно в самом городе выступили сторонники разогнанного Учредительного собрания. К вечеру 8 июня большая часть Самары оказалась в руках бе-

лых. Сумев удержать за собой лишь переправы через Волгу, большевики начали отступать в заречную слободу. Отход прикрывала расположенная у элеватора батарея, простреливавшая сразу два моста — деревянный и железнодорожный.

В разгар боя Гашек решил пробраться в свою квартиру, находившуюся в занятой белыми части города, и уничтожить оставленные там списки интернационального отряда. С задачей он справился, однако вернуться назад ему не удалось. За время отсутствия Гашека чехи при помощи хитрости сумели захватить батарею. Воспользовавшись тем, что неподалеку от элеватора проживали польские беженцы, несколько легионеров переоделись в женские платья и с воплями «Не стреляйте, проше пане, не стреляйте, умоляем, не губите несчастных!» бросились прямо к позициям красных. Добежав до батареи, мнимые беженки пустили в ход ножи и после короткой рукопашной овладели орудиями.

Таким образом, когда Гашек вернулся обратно, путь за Волгу для него уже был отрезан. Бедняге ничего не оставалось, как обратиться к своим знакомым. Несколько дней он, с ведома хозяина, прятался на даче одного из противников большевиков Николая Павловича Канонькина. Однажды, когда в доме появился патруль легионеров, Гашек довольно удачно разыграл роль «чокнутого» сына хозяйки. Тем не менее встреча с соотечественниками произвела на него очень неприятное впечатление. Опасаясь быть узнанным кем-нибудь из своих боевых товарищей, Гашек стал пробираться к Симбирску на контролируемую большевиками территорию.

Чтобы избежать лишних вопросов и объяснить свой иностранный акцент, экс-комиссар решил вновь прикинуться сумасшедшим, причем не местным, а сыном «немецкого колониста из Туркестана».

Попадавшие на пути жители довольно быстро распознавали в нем беглого большевика. Местные мордва и татары давали ему приют, снабжали одеждой и хлебом. Любопытно, что в это же время не забывали о Гашеке и его

соотечественники. В занятом белыми Омске чешский военно-полевой суд выписал ордер на его арест по обвинению в «организации чехословацкого красного войска в Самаре и... государственной измене чехословацкому народу».

Побродив два месяца по Поволжью, Гашек все-таки добрался до красных. В октябре он был назначен помощником военного коменданта Бугульмы и превратился в чиновника-администратора. Свое пребывание на этой должности Гашек отметил реквизициями, мобилизацией монашек на трудовые работы и прочими мероприятиями в духе революционного времени. Впоследствии сам писатель с явной иронией вспоминал о своих похождениях в цикле очерков «Комендант Бугульмы». Однако тогда, осенью 1918 г., с Гашеком происходило много удивительных превращений: например, известный выпивоха превратился в жуткого трезвенника и даже призывал вылить в реку все имевшиеся в городе запасы спирта.

Столь же активен он был и в Уфе, где в качестве заместителя редактора армейской газеты выступал за чистоту большевистских рядов. Так, однажды уполномоченный местного полиграфотдела Кобусов устроил дебош, вдрызг пьяный ездил по городу на санях, палил из нагана и пугал прохожих криками: «Смотрите, как комиссар гуляет!». Забыв о собственных (вошедших в легенду) пьяных дебошах, Гашек разродился едким фельетоном, добившись в конце концов снятия не только Кобусова, но и его соратников.

В Уфе Гашек женился на дочери сторожа Анне Андреевне Малооярославцевой, после чего вместе с супругой отправился за своей 5-й армией. В 1919—1920 гг., по мере продвижения красных на восток, он занимал великое множество должностей и выполнял массу самой разнообразной работы. В Челябинске Гашек снова формировал интернациональные части, причем на сей раз не только из чехов, но и из венгров, немцев, сербов, хорватов. В Омске создал венгерский (так называемой Будапештский) театр и даже написал для него не то одну, не то две пьесы. В Красноярске и Иркутске редактировал сразу несколько

революционных газет на разных языках (немецкую «Штурм», венгерскую «Рогам», китайско-корейскую «Дунфан Чуншэ» и даже первую в истории бурято-монгольскую «Ур»).

Возможно, именно тогда в его голове и родилась идея «Похождений бравого солдата Швейка».

Редактор газеты 5-й армии «Красный стрелок» В. В. Сорокин следующим образом рассказывал о замыслах, которыми с ним делился Ярослав Гашек: «Герой его главной книги — сын Праги — проходит через русский плен, попадает в чехословацкий корпус и порывает с ним. Он побывает в Москве и Самаре, испытает горечь скитаний по заволжской земле и радость возвращения в Красную армию. С ней он пройдет весь Восточный фронт, встретится с Колчаком. После его разгрома уедет с бойцами Красной армии в Китай помогать кули свергать капиталистов».

Что ж, возможно, в бурном 1919 г. Гашек готовил для своего героя именно такую судьбу. И все же более вероятно, что в конечном счете Швейка ждал не Китай, а все тот же милый его сердцу пражский кабачок «У чаши» (где, собственно, и начинается действие романа). Во всяком случае именно в Праге вновь пересеклись пути Ярослава Гашека и его товарищей по Чехословацкому корпусу. Правда, прежде чем это произошло, всем им пришлось пережить немало тягот и приключений...

Выступив летом 1918 г. против Советской власти, большинство легионеров искренне считали себя демократами и даже социалистами. Не удивительно, что после того как во главе Белого движения встали люди крайне правых, а то и монархических взглядов, значительная часть корпуса восприняла это с явным неудовольствием. Первый звонок прозвенел в октябре 1918 г. Когда Гашек еще только скитался по Поволжью, совсем неподалеку от маршрута его путешествий солдаты одного из полков отказались выполнить приказ белого командования о выступлении на фронт. Командовавший полком друг Гашека Иржи Швец был настолько потрясен случившимся, что тут же пустил себе пулю в висок.

Факты неповиновения со временем приобрели массовый характер. Так, в мае 1919 г. в Иркутске между командованием корпуса и солдатскими депутатами произошел конфликт, в результате которого около 800 человек были интернированы и отправлены в находившуюся под Владивостоком крепость Гоностай. Однако и те, кто еще считался надежными, в ответ на приказы все чаще бросали любимую реплику Ярослава Гашека «До бот!» («Наплевать!»).

За время своей тыловой службы легионеры награбили вагоны всевозможного барахла и даже, по некоторым предположениям, «экспроприировали» часть российского золотого запаса. Не удивительно, что когда Красная армия устремилась на восток, чехословаки поспешили заключить договор с большевиками. В обмен на право выехать из страны со всем захваченным за время войны имуществом они заявили о своем нейтралитете и выдали красным их злейшего противника адмирала Колчака (15 января 1920 г.).

В течение 1920 г. чехословаки партиями покидали Владивосток и через Тихий и Индийский океаны либо через США добирались до Европы. В ноябре, когда последняя группа легионеров прибыла в Прагу, туда же приехал и Ярослав Гашек. Приехал он из Москвы, причем, в отличие от легионеров, вовсе не через Дальний Восток, а через Эстонию и Германию. В Чехословакии бывший комиссар собирался продолжать революционную работу. Однако местные коммунисты встретили его довольно холодно, если не враждебно. Что послужило этому причиной, неизвестно. Возможно, они видели в нем лишь «попутчика», рядившегося в большевистские одежды? Или же опасались, что благодаря своему бойкому языку Гашек, чего доброго, выбьется в партийные лидеры? Как бы то ни было, Гашека «отшили» столь резко, что он тут же бросился в обратную крайность. Писатель вновь начал шататься по кабакам и вести богемную жизнь.

Печатаясь в левых газетах (в том числе в коммунистической «Руде право»), Гашек подрабатывал тем, что каждый вечер рассказывал о своих похождениях в кабаре

«Семерка червей». Денег однако не хватало, тем более что писателю пришлось разрываться между своей русской женой и прежней супругой Ярмилой Майеровой. За двоеженство Гашека даже едва не посадили в тюрьму, однако брак с Майеровой все-таки был расторгнут, а Гашек отделался штрафом в 10 крон «за несвоевременное оформление развода».

В конце концов писатель засел-таки за большой роман, причем, чтобы издать его, одному из друзей Гашека, Франте Сауэре, пришлось расстаться со своей трикотажной лавкой. «Похождения бравого солдата Швейка» выходили в виде брошюр с продолжением и поначалу раскупались довольно туго. К лету 1921 г. было продано около 10 000 экземпляров, и тогда роман «выстрелил». Да еще как! «Бравого солдата» в короткое время перевели на все основные европейские языки. Коммунисты в Советской России и в самой Чехословакии вспомнили о славной революционной биографии Гашека, издатели и книготорговцы лезли к нему с контрактами, а от квартирной хозяйки, в свое время выселившей семью Гашека за неуплату, отrekliсь чуть ли не все ее родственники и знакомые. Золотой дождь пролиться на писателя так и не успел, но полученных денег хватило на то, чтобы расплатиться с долгами и даже купить дом в местечке Липница.

Бывшие легионеры хотя и не считали Гашека за своего, однако с удовольствием читали его роман. Нетрудно предположить, с каким интересом они ждали рассказа о приключениях Швейка в России. Но дождаться заключительных частей им так и не довелось. 3 января 1923 г. Ярослав Гашек скоропостижно скончался от паралича сердца и эмфиземы легких. Его главная книга так и осталась недописанной.

В мае 1918 г. Ярослав Гашек предрекал легионерам, что «никогда чешский народ на родине не позволит вернуться им домой в свободную Чехию». Народ не только позволил легионерам вернуться, но и встретил их как героев. Однако история любит выкиды-

вать своеобразные шутки, и если Гашек в конце жизни был далеко уже не тем пламенным революционером, каким он считался в России, то и большинство бойцов корпуса прибыли на Родину абсолютно другими людьми. Не случайно в 1938 г. писатель А. Фадеев констатировал, что «именно среди бывших легионеров мы чаще всего встречаем наиболее верных и преданных друзей Советского Союза». Убедиться в справедливости этих слов довелось во время Второй мировой войны, когда плечом к плечу с Красной армией против фашистов сражался Чехословацкий корпус во главе с бывшим легионером Л. Свободой.